

УСТАВНЫЕ ЧТЕНИЯ ВЕЛИКОГО ЧЕТВЕРГА

1. После кафизм утрени

Свт. Иоанн Златоуст, Беседа 82-я на Евангелие от Матфея

«И когда они ели,
Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал:
Приимите, ядите: сие есть Тело Мое.

И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал:
Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета,
за многих изливаемая во оставление грехов».

(Матф. 26:26–28)

1. О, как велико ослепление предателя! Приобщаясь тайн, он оставался таким же, и наслаждаясь страшною трапезою, не изменялся. Это показывает Иоанн (Ин. 13:27), когда говорит, что после этого вошел в него сатана, не потому, что пренебрегал телом Господним, но издеваясь над бесстыдством предателя. Грех его велик был в двояком отношении: и потому, что он с таким расположением приступил к тайнам, и потому, что, приступивши, не вразумился ни страхом, ни благодеянием, ни честью. Христос не препятствовал ему, хотя и знал все, чтобы ты познал, что Он не оставляет ничего, что служит к исправлению. Поэтому и прежде, и после этого непрестанно вразумлял и удерживал предателя и словами, и делами, и страхом, и угрозами, и честью, и услугами. Но ничто не предохранило его от жестокого недуга. Вот почему Христос, оставив, наконец, его, чрез тайны опять напоминает ученикам о Своей смерти, и на вечери беседует о кресте, чтобы чрез частое предсказание сделать для них Свое страдание удобоприемлемым. Действительно, если они после стольких событий и предсказаний смутились, то чего не потерпели бы, если бы ничего такого не услышали? «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил». Для чего Христос совершил это таинство во время пасхи? Для того, чтобы ты из всего познавал, что Он есть законодатель Ветхого Завета, и что написанное в этом Завете служит прообразованием новозаветных событий. Поэтому-то Христос вместе с образом полагает и самую истину. Вечер же служил знаком полноты времен и того, что дела приходили уже к концу. И «благодарит», — научая нас, как должно совершать это таинство; показывая, что Он добровольно идет на страдание; наставляя нас переносить страдания с благодарностью, и возбуждая в нас благие надежды. Если образ был освобождением от столь великого рабства, то тем более Истина освободит вселенную и предаст Себя для спасения нашего естества. Вот почему Христос не прежде установил таинство, но когда надлежало уже упраздниться предписанному законом. Он упраздняет самый главный праздник иудеев, призывая их к другой, страшной вечери, и говорит: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас ломимое» (1Кор. 11:24). Каким образом ученики, услышав это, не смутились? Оттого, что Христос и прежде много важного говорил им об этом таинстве. Поэтому теперь он и не дает более наставлений относительно этого, так как они довольно уже слышали, а показывает только причину страдания, то есть, отпущение грехов. И называет кровью Нового Завета, то есть, обетования, возвещения нового закона. Это обещано было издревле, и составляет Новый Завет. И как Ветхий Завет имел овнов и тельцов, так и новый имеет кровь Господню. Этим самым Христос показывает и то, что Он претерпит смерть; потому упоминает и о завете, и вспоминает вместе о первом, так как и этот завет обновлен был кровью. Далее, опять

говорит о причине Своей смерти: «Ибо сие... за многих изливаемая во оставление грехов», и прибавляет: «сие творите в Мое воспоминание». Видишь ли, как Христос отклоняет и отвращает от иудейских обычаев? Как пасху вы совершали, говорит Он, в воспоминание чудес, бывших в Египте, так и это таинство совершайте в Мое воспоминание. Кровь Ветхого Завета была изливаема во спасение первородных, а эта кровь изливается во оставление грехов всего мира: «Сие есть Кровь Моя, — говорит Он, — изливаемая во оставление грехов». Это сказал он также и для того, чтобы показать, что страдание и крест суть таинство, и этим опять утешить учеников. И как Моисей сказал: это да будет памятно для вас вечно (Исх. 3:15), так и Христос говорит: «В Мое воспоминание», до того времени, как Я приду. Потому говорит еще: «Очень желал Я есть с вами сию пасху» (Лк. 22:15), то есть, предать вам новые установления, и даровать пасху, чтобы чрез нее сделать вас духовными. И сам пил из чаши, для того, чтобы ученики, услыша это, не сказали: что такое, мы пьем кровь и едим плоть? — и от того не смутились. (Ведь когда Христос говорил об этом, то и самыми словами многие соблазнялись). Итак, чтобы ученики и тогда не смутились, Он сам первый совершил это, побуждая их приступить к приобщению тайн без смущения. С этою-то целью Он и пил сам собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее, и новое таинство? Ни в каком случае. Христос для того и сказал: «сие творите», чтобы отклонить от древнего. Если новое таинство дарует оставление грехов, — а оно действительно дарует, — то древнее уже излишне. Поэтому как было у иудеев, так и здесь с таинством Христос соединил воспоминание благодеяния, и этим заграждает уста еретиков. Когда они говорят: откуда известно, что Христос принес Себя в жертву? — то мы, кроме других свидетельств, заграждаем уста их и самими таинствами. Если Иисус не умер, то символом чего же служат таинства?

2. Видишь ли, как много Христос заботился о том, чтобы мы всегда вспоминали, что Он умер за нас? Так как имели явиться последователи Маркиона, Валентина и Манеса, отвергающие это строительство спасения, то Он непрестанно напоминает о страдании и чрез самые таинства, чтобы никто не был обольщен, и таким образом этою священной трапезою и спасает и, вместе, наставляет, потому что это таинство есть основание благ. Вот почему и Павел часто упоминает об этом. Затем, после установления таинства, Христос говорит: «Не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое [вино] в Царстве Отца Моего» (Мф. 26:29). Так как Он беседовал с учениками о страдании и кресте, то опять говорит и о воскресении, упоминает о царстве, называя таким образом Свое воскресение. Но для чего Он пил по воскресении? Для того, чтобы люди грубые не сочли воскресение призрачным: многие ведь поставляли это признаком воскресения. Поэтому-то апостолы для уверения в воскресении говорили: «Нам, которые с Ним ели и пили» (Деян. 10:41). Итак, желая показать ученикам, что они ясно увидят Его по воскресении, что Он опять будет с ними и что они сами будут свидетелями события и посредством видения, и посредством дел, Он говорит: «Когда буду пить с вами новое [вино]», при вашем свидетельстве; вы увидите Меня после того, как Я воскресну. А что значит: «Новое [вино]»? Новым, то есть, необыкновенным образом, не в теле подверженном страданию, но уже бессмертном, нетленном и не имеющем нужды в пище. Итак, по воскресении, Христос ел и пил не в силу необходимости, — тогда тело Его уже не нуждалось в этом, — а для удостоверения в воскресении. Но для чего по воскресении Он пил не воду, а вино? Для того, чтобы совершенно исторгнуть другую злую ересь. Так как некоторые в тайнах употребляют воду, то чтобы показать, что и при установлении таинства употреблял вино, и по воскресении, когда без таинства предлагал обыкновенную трапезу, также употреблял вино, говорит: «от плода сего виноградного». Виноградная же лоза производит вино, а не воду. «И, воспев, пошли на гору Елеонскую» (Мф. 26:30). Да

слышат все те, которые, подобно свиньям, принимая пищу без молитвы, попирают чувственную трапезу и встают от нее опьянелыми, тогда как должно оканчивать ее с благодарностью и пением. Слушайте и вы, которые не дожидаетесь окончательной молитвы при совершении тайн: эта молитва есть образ Христовой молитвы. Христос возблагодарил прежде, нежели предложил трапезу ученикам, чтобы и мы благодарили. Возблагодарил, и воспел, и после трапезы, чтобы и мы делали то же самое. Но для чего Он пошел на гору? Для того, чтобы явить Себя тем, которые хотели взять Его, чтобы не подумали, что Он скрывается; поэтому спешил идти на место, известное и Иуде. «Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне». Потом приводит пророчество: «Ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Мф.26:31), — чтобы с одной стороны убедить учеников всегда внимать Писанию, а с другой — показать, что Он распинается по воле Божией, и чтобы из всего видно было, что Он не противник Ветхому Завету и Богу, в нем возвещаемому, что совершающееся есть дело смотра Божия, и что все настоящие события издревле предвозвестили пророки, чтобы ученики несомненно надеялись на лучшее. Вместе с этим дает знать, каковы были ученики пред крестною смертью, и каковы после крестной смерти. Те, которые во время распятия Его не могли даже устоять, после смерти Его сделались сильны и крепче адаманта. А это самое, то есть, бегство и страх учеников, служит доказательством смерти Спасителя. В самом деле, если после столь великих событий и свидетельств некоторые бесстыдно говорят, будто Христос не распят, то в какое бы нечестие они не впали, если бы ничего такого не случилось? Поэтому не только Своими страданиями, но и состоянием учеников, а также и тайнами Христос подтверждает истину смерти Своей, посрамляя всем этим зараженных ересью Маркиона. Поэтому же и верховному апостолу попускает отречься. В самом деле, если Он не был связан и распят, то отчего объял такой страх и этого апостола, и прочих? Впрочем, Христос не попустил им оставаться в печали, но что говорит? «По воскресении же Моем предварю вас в Галилее» (Мф.26:32). Он не является с неба тотчас же и не удаляется в какую-либо дальнюю страну, но остается среди того самого народа, среди которого был распят, и почти в тех самых местах, — чтобы и этим уверить учеников, что Он сам и распят был, и воскрес, — и тем более утешить их в печали. Потому и сказал: "В Галилее", чтобы, освободившись от страха иудеев, они поверили Его словам. Потому же Он и явился там. «Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь» (Мф.26:33).

3. Что ты говоришь, Петр? Пророк сказал: «Рассеются овцы»; Христос подтвердил сказанное; а ты говоришь, нет? Разве тебе не довольно того, что случилось прежде, когда ты говорил: «Будь милостив к Себе, Господи» (Мф. 16:22) — и был обличен? Христос попускает пасть Петру для того, чтобы научить его во всем повиноваться Ему, и определение Его почитать вернейшим собственным суждением. Да и прочие получили немало пользы от его отвержения, познавши немощь человеческую и истину Божию. Когда сам Бог предсказал что-нибудь, то не должно уже оспаривать этого, и восставать против многих. "Похвалу", — говорит апостол, ты будешь иметь «только в себе, а не в другом» (Гал. 6:4). Надлежало бы молиться и говорить: помоги нам не разлучаться; а он надеется на самого себя и говорит: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь», — т. е. хотя бы все потерпели это, но я не потерплю, — что мало-помалу приводило его к гордости. Желая удержать его от этого, Христос и попустил отвержение. Так как Петр не внимал словам ни Христа, ни пророка (хотя Христос для того и привел свидетельство пророка, чтобы ученики не противоречили), то он научается самыми делами. А что Христос попустил Петру отвергнуться для того, чтобы исправить в нем этот порок, — послушай, что Он говорит: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк. 22:32). Это сказал Он

для того, чтобы сильно тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих, и требует большей помощи. В самом деле, здесь было два преступления: во-первых, то, что он противоречил, во-вторых, то, что ставил себя выше других; или лучше сказать, было и третье преступление — то, что он все приписывал самому себе. Итак, для уврачевания этого Христос и попустил падение; и потому, оставивши прочих, обращается к Петру: "Симон!, — говорит Он, — Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу» (Лк. 22:31), — то есть, возмущал, колебал, искушал; «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя». Но почему же, если сатана просил всех, Христос не сказал: «молился за всех»? Не очевидно ли, что и это имеет ту же цель, о которой я говорил выше, то есть, что Христос обращает слово Свое к Петру, чтобы тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих? Почему тоже не сказал Он: Я не попустил, но — "молился"? Идя на страдание, Он говорил смиренно, чтобы показать Свое человечество. Тот, который создал Церковь на исповедании Петра и так оградил ее, что бесчисленные опасности и смерти не одолеют ее, Который дал ему ключи царствия небесного, вручил столь великую власть и, для совершения этого, не имел нужды в молитве (не сказал тогда: "молился", но со властью сказал: «Создам Церковь Мою» и: «и дам тебе ключи Царства Небесного» (Мф. 18:18–19), каким образом нуждался в молитве для утверждения колеблющейся души одного человека? Почему же сказал так? По той причине, о которой я говорил, и по причине немощи учеников Своих, так как они еще не имели надлежащего о Нем понятия. Как же Петр отрекся? Христос не сказал: чтобы ты не отрекся, но — чтобы не оскудела вера, чтобы он не погиб совершенно. И это было делом попечения Христова. Действительно, безмерный страх, объявивший Петра, все рассеял; а безмерным этот страх был потому, что Бог совершенно лишил его Своей помощи; а лишил помощи потому, что в нем была сильна страсть гордости и противоречия. Итак, для совершенного истребления этой страсти, Бог допустил столь сильному страху объять Петра. А что эта страсть была в нем сильна, видно из того, что он не удовольствовался тем, что прежде противоречил и пророку, и Христу, но и после того, когда Христос сказал ему: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня», — говорил: «Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф. 26:34–35). Лука же (Лк. 22:33–34) прибавляет, что чем более Христос опровергал, тем более Петр противоречил. Что значит это, Петр: когда Христос говорил: «Один из вас предаст Меня», ты боялся, чтобы не быть предателем, и побуждал ученика спросить, хотя ничего подобного не сознавал в себе; а теперь, когда Он ясно провозглашает и говорит: «Все вы соблазнитесь», ты противоречишь, и не однажды только, а дважды и много раз? Так именно говорит Лука. Отчего же это случилось с ним? От великой любви, от великой радости. Когда он освободился от того страха относительно предательства, и узнал предателя, то говорил уже с дерзновением и, возвышая себя над другими, заявлял: «Если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь». Зависело это отчасти и от честолюбия, так как на вечери ученики рассуждали о том, кто из них больше: так мучила их эта страсть. Вот почему Христос уничижил Петра, не с тем, чтобы побудить его к отвержению, — да не будет, — но чтобы, оставив его лишенным помощи, показать слабость человеческой природы. Смотри, как после этого он сделался кроток: когда, по воскресении, сказал: "А он что" (Ин. 21:21)? — и был остановлен, то не осмелился уже противоречить, как здесь, но умолчал. Также и при вознесении, когда услышал: «Не ваше дело знать времена или сроки» (Деян. 1:7), опять молчал и не противоречил. И после этого, когда на горнице, и при видении плащаницы, услышал голос, говорящий ему: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:15), — и еще не знал ясно, что значат эти слова, — молчал и не спросил.

4. Все это было следствием падения. Прежде этого Петр все приписывал себе, говоря: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнусь... хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя», тогда как надлежало бы сказать: если получу от Тебя помощь. Но после падения он говорит совершенно противное: «Что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит» (Деян. 3:12)? Отсюда мы научаемся той великой истине, что недостаточно бывает собственного старания человека, если он не получит высшей помощи; и наоборот, что мы не получим никакой пользы от высшей помощи, если не будет у нас собственного старания. То и другое доказывают Иуда и Петр. Первый, получивши много помощи, не получил никакой пользы, потому что не захотел, и не приложил собственного старания; а последний и при собственном старании пал, потому что не получил никакой помощи. Добродетель слагается из этих двух принадлежностей. Поэтому я умоляю, чтобы вы, предоставляя все на волю Божию, не предавались усыплению, и чтобы при собственном старании не думали, что вы все совершаете собственными трудами. Богу не угодно, чтобы мы были нерадивы, а потому Он не все сам совершает; равно не угодно Ему и то, чтоб мы были самонадеянны, вследствие чего не все нам дал, но, из того и другого, отнявши вредное, оставил нам полезное. Поэтому же попустил пасть и верховному апостолу, чтобы сделать его кротким и возбудить к большей любви. Кому больше, сказано, оставится, больше возлюбит (Лк. 7:47). Итак, будем во всем повиноваться Богу, и ни в чем не будем противоречить, хотя бы слова Его казались противными нашим мыслям и взглядам; но пусть управляет слово Его нашими мыслями и взглядами. Таким же образом будем поступать и в таинствах, обращая внимание не на внешность только, но содержа в уме своем слова Христовы. Слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрешает, а последнее часто обманывается. Поэтому когда Христос говорит: «Сие есть Тело Мое», то убедимся, будем верить и смотреть на это духовными очами. Христос не передал нам ничего чувственного, но все духовное, только в чувственных вещах. Так и в крещении: чрез чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении. Если бы ты был бестелесен, то Христос сообщил бы тебе эти дары бестелесно; но так как душа твоя соединена с телом, то духовное сообщает тебе через чувственное. Как многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот, ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает тебе самого Себя, и не только видеть, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенной любовью, все с горячим усердием и бодростью. Если иудеи ели агнца с поспешностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Они готовились идти в Палестину, а потому и имели вид путешественников; ты же готовишься идти на небо.

5. Поэтому должно всегда бодрствовать, — немалое предстоит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, как ты негодуешь на предателя и на тех, которые распяли Христа. Итак, берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против тела и крови Христовой. Они умертвили всесвятое тело; и ты принимаешь его нечистою душою после столь великих благодеяний. В самом деле, Он не удовольствовался лишь тем, что сделался человеком, был заушен и умерщвлен; но Он еще сообщает Себя нам, и не только верою, но и самым делом делает нас Своим телом. Насколько же чист должен быть тот, кто наслаждается этою жертвою? Насколько чище лучей солнечных должны быть — рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обгаряемый страшною кровью? Помысли, какой чести ты удостоен, какую наслаждаешься трапезою! При виде чего трепещут ангелы, и на что не смеют взглянуть без страха, по причине

сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одною плотью со Христом. «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Пс. 105:2)? Какой пастырь питает овец собственными членами? Но что я говорю — пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого, но Сам питает нас собственной кровью, и через все соединяет нас с Собою. Размысли же, что Он родился от нашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем; а если ко всем, то и к каждому в отдельности. Почему же, ты скажешь, не все получили от этого пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить это для всех, но от тех, которые не восхотели. С каждым верующим Он соединяется посредством тайн, и сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому; и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какою готовностью младенцы берут сосцы, с каким стремлением прижимают к ним уста свои? С таким же расположением и мы должны приступать к этой трапезе и к сосцу духовной чаши, — или лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа; и одна только у нас должна быть скорбь — та, что мы не приобщаемся этой пищи. Действия этого таинства совершаются не человеческою силою. Тот, Кто совершил их тогда, на той вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место слугителей, а освящает и претворяет дары сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть удалится; трапеза не допускает тех, которые не таковы. «С учениками Моими», — говорит Христос, — «совершу пасху» (Мф. 26:18). Это та же самая трапеза, которую предлагал Христос, и ничем не менее той. Нельзя сказать, что ту совершает Христос, а эту человек; ту и другую совершает сам Христос. Это место есть та самая горница, где Он был с учениками; отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы туда, где простерты руки нищих; это именно место есть гора Елеонская; множество же нищих — это маслины, насажденные в доме Божиим, источающие елей, который будет полезен для нас там, который имели пять дев, и которого не взявши, другие пять погибли. Взявши этот елей, войдем, чтобы нам с горящими светильниками выйти на встречу Жениха. Взявши этот елей, выйдем отсюда. Не должен приступать сюда ни один бесчеловечный, ни один жестокий и немилосердый, словом ни один нечистый.

6. Это говорю вам, которые приобщаетесь, и вам, которые служите. Нужно побеседовать и с вами, чтобы вы со многим тцанием разделяли эти дары. Не малое наказание ожидает вас, если вы, признавши кого-либо нечестивым, позволите причаститься этой трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы высший начальник, хотя бы сам царь, носящий диадему, но если приступает недостойно, то запрети ему: ты имеешь больше власти, нежели он. Если бы тебе поручено было сохранять в чистоте источник воды для стада, и ты увидел овцу, имеющую на устах много грязи, то не позволил бы ей наклониться и возмутить источник. Но теперь вручен тебе источник не воды, а крови и Духа, — и ты, видя некоторых имеющих грех, который хуже земли и грязи, и приступающих к этому источнику, не вознегодуеть, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощение? Для того Бог удостоил вас этой чести, чтобы вы разбирали такие дела. В этом состоит ваше достоинство, ваша важность, ваш венец, а не в том, чтобы вы облекались в белую и блистательную одежду. Но как, скажешь, я могу знать того и другого? Я говорю не о неизвестных, но о известных людях. Скажу нечто более страшное: не столько опасно приступать к этому таинству бесноватым, сколько тем, которые, как говорит Павел, попирают Христа, кровь завета не почитают за святыню, и ругаются над

благодатию Духа (Евр. 10:29). Приступающий во грехах хуже бесноватого. Последний не наказывается, потому что он беснуется; а приступающий недостойно предается вечному мучению. Итак, будем удалять не только бесноватых, но и всех, которых увидели бы недостойно приступающими. Никто не должен приобщаться, если он не из числа учеников Христовых. Никто не должен принимать дары, подобно Иуде, чтобы не потерпеть участь Иуды. Это собрание верующих есть также тело Христово. Поэтому ты, служитель таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать это тело, смотри, чтобы не дать меча, вместо пищи. Но хотя бы кто и по неразумию пришел для причащения, воспрети ему, — не бойся. Бойся Бога, а не человека. Если будешь бояться человека, то от Бога будешь уничижен; а если будешь бояться Бога, то и от людей почитаем. Если ты сам не смеешь, то приведи ко мне: я не позволю этой дерзости. Скорее предаю душу свою, нежели причащу крови Господней недостойного; скорее пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной крови того, кого не должно. Если же кто после многих испытаний не найдет недостойного, то не будет виновен. Это сказано мною об известных людях. Если мы исправим этих, то Бог и неизвестных скоро соделает нам известными. Если же мы оставим без внимания известных нам, то для чего Ему делать других нам известными? Это говорю я не для того, чтобы мы только удаляли и отсекали, но для того, чтобы мы исправляли и возвращали их, чтобы имели попечение о них. Таким образом мы и Бога умилостивим, и найдем много достойных причастников, и получим за свое старание и попечение о других великую награду, которой да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

2. После 3-й песни канона и седальна

Свт. Иоанн Златоуст, О предательстве Иуды, о Пасхе и о преподании Таин

1. Немного нужно сегодня сказать вашей любви; немного нужно сказать не потому, чтобы вы тяготились множеством проповедуемого, — невозможно найти другой город, который был бы так любовно расположен к слушанию духовных бесед. Итак, не потому мы скажем немного, что мы надоедаем вам множеством проповедуемого, но потому, что сегодня есть важная причина к сокращению речи: я вижу, что многие из верующих поспешают к приобщению страшных таин. Поэтому, дабы они не лишились и этой трапезы, и не остались без той, необходимо пищу распределить соразмерно, чтобы и с той и с другой стороны вам была польза и чтобы вы отошли, снабженные в путь этою трапезою и нашими беседами, и приступили к страшному и ужасному приобщению со страхом, трепетом и надлежащим благоговением.

Сегодня, возлюбленные, Господь наш Иисус Христос был предан; в этот наступающий вечер иудеи взяли Его и пошли. Но не предавайся унынию, услышав, что Иисус был предан; или лучше, предайся унынию и плачь горько, но не о преданном Иисусе, а о предателе Иуде, потому что преданный спас вселенную, а предавший погубил свою душу; преданный сидит ныне одесную Отца на небесах, а предавший находится ныне во аде, ожидая неизбежного наказания. О нем плачь и воздыхай, о нем скорби, как и Владыка наш плакал о нем. Увидев его, говорится [в Писании], «смутися и рече: един от вас предаст Мя» (Иоан. 13:21). О, сколь велико милосердие Владыки: преданный скорбит о предавшем! Увидев его, говорит [евангелист], «смутися и рече: един от вас предаст Мя». Для чего Он опечалился? Для того, чтобы показать любовь Свою и вместе научить нас, что не того, кто терпит зло, а того, кто причиняет зло, нужно постоянно оплакивать. Последнее хуже

первого, или лучше сказать, первое, т. е. терпеть зло, не есть зло, а причинять зло есть зло. Терпеть зло, — это доставляет царство небесное; а причинять зло, — это подвергает нас геенне и наказанию. "Блажени, — говорит Господь, — изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное» (Мф. 5:10). Видишь ли, как претерпевающий зло получает награду и воздаяние — царство небесное? Послушай, как причиняющий зло подвергается наказанию и отмщению. Павел, сказав об иудеях, что они «Господа убили и пророков гнали» (1Сол. 2:15), присовокупил: «имже кончина будет по делом их» (2Кор. 11:15). Видишь ли, как гонимые получают царство, а гонящие наследуют гнев [Божий]? Это сказано мною теперь не без цели, а для того, чтобы мы не гневались на врагов, но жалели их, оплакивали их и сострадали им: они-то именно и терпят зло, враждуя против нас. Если мы так настроим душу свою, то в состоянии будем и молиться за них. Для того я и беседую с вами уже четвертый день о молитве за врагов, чтобы это слово наставления было твердо усвоено, укоренившись в вас от непрестанного внушения. Для того я непрестанно и изливаюсь в словах, чтобы опала опухоль гнева и утихло воспаление, так чтобы приступающий к молитве чист был от гнева. Христос заповедал это не только для врагов, но и для нас, прощающих им грехи, так как ты сам больше приобретаешь, чем даешь, прекращая гнев на врага. Как же, скажешь, я больше приобретаю? Если ты простишь грехи врагу, то тебе будут прощены твои прегрешения против Владыки. Эти неисцельны и непростительны, а для тех есть великое облегчение и прощение. Послушай, как Илий говорил сыновьям своим: «аще согрешая согрешит муж мужеви, помолятся о нем ко Господу: аще же Господеви согрешит, кто помолится о нем» (1Цар. 2:25)? Таким образом эта рана не легко исцеляется и молитвою; но, не исцеляясь молитвою, она исцеляется прощением грехов ближнему. Поэтому грехи в отношении к Владыке Христос назвал тысячами талантов, а грехи в отношении к ближнему — сотнею динариев (Мф. 18:23–35). Прости же сто динариев, чтобы тебе были прощены тысячи талантов.

2. Впрочем, о молитве за врагов довольно сказано; возвратимся, если угодно, к речи о предательстве и посмотрим, как предан был Господь наш. «Тогда шед один от обоюнадесяте, глаголемый Иуда Искариотский, ко архиереом, рече: что ми хотите дати, и аз вам предам Его» (Матф. 26:14, 15)? Эти слова, по видимому, ясны и ничего более в них не подразумевается; но если кто тщательно исследует каждое из этих слов, то найдет в них много предметов для размышления и великую глубину мыслей. И во-первых — время; не напрасно Евангелист означает его, не просто сказал он: "шед", но прибавил: «тогда шед. Тогда»; скажи мне: когда? И для чего он означает время? Чему он хочет научить меня? Не без цели сказано это: "тогда", — говорящий Духом не говорит напрасно и без цели. Что же значит это "тогда"? Пред тем самым временем, пред тем самым часом приходила блудница, «сткляницу мира имущи», и возлила этот елей на главу Господа (Мф. 26:7). Она показала великую услужливость, показала великую веру, великое послушание и благоговение; изменила прежнюю жизнь, сделалась лучше и целомудреннее. Но когда блудница раскаялась, когда она снискала себе благоволение Владыки, тогда ученик предал Учителя. Для того и сказано: "тогда", чтобы ты не обвинял Учителя в немощи, когда увидишь, что ученик предает Учителя. Сила Учителя была такова, что она привлекала и блудниц к повиновению Ему.

Почему же, скажешь, обращавший блудниц не в силах был привлечь к себе ученика? Он в силах был привлечь к себе ученика, но не хотел сделать его добрым по необходимости и привлечь к Себе насильно. "Тогда шед". Немаловажный предмет для размышления заключается и в этом слове: "шед"; не быв призван первосвященниками, не быв принужден необходимостью или силою, но сам по себе и от себя он произвел коварство и предпринял такое намерение, не имея никого сообщником этого нечестия. «Тогда шед один от

обоюнадесяте». Что значит: «един от обоюнадесяте»? И в этих словах: «един от обоюнадесяте» выражается величайшее против него осуждение. У Иисуса были и другие ученики, числом семьдесят; но те занимали второе место, не пользовались такою честью, не имели такого дерзновения, не участвовали в стольких тайнах, как двенадцать учеников. Эти были особенно отличены и составляли хор около Царя; это было приближенное общество Учителя; и отсюда ниспал Иуда. Итак, дабы ты знал, что не простой ученик предал Его, но один из высшего разряда, для этого и говорит евангелист: «един от обоюнадесяте». И не стыдился написать это св. Матфей. Для чего не стыдился? Для того, чтобы ты знал, что евангелисты всегда во всем говорят истину, и ничего не скрывают, даже и того что кажется унижительным, потому что и это, по-видимому унижительное, показывает человеколюбие Владыки: предателя, разбойника, вора Он удостоил таких благ и до последнего часа терпел его, вразумлял, увещевал и всячески оказывал попечение о нем. Если же он не внимал, то виною не Господь; свидетельница этому — блудница, она была внимательна к самой себе — и спаслась. Итак, не отчаивайся, взирая на блудницу; и не будь самонадеян, взирая на Иуду. То и другое губительно, и самонадеянность и отчаяние; самонадеянность стоящего заставляет падать, а отчаяние лежащему не позволяет встать. Поэтому и Павел увещевал так: «мняйся стояти да блюдется, да не падет» (1Кор. 10:12). Ты имеешь примеры того и другого — как ученик, казавшийся стоящим, пал, и как блудница павшая восстала. Склонен к падению наш ум, удобопреклонна воля; поэтому нам нужно со всех сторон оберегать и ограждать себя. «Тогда шед един от обоюнадесяте, глаголемый Иуда Искариотский». Видишь ли, из какого хора ниспал он? Видишь ли, каким учением пренебрег он? Видишь ли, какое зло — беспечность и нерадение? «Глаголемый Иуда Искариотский». Для чего ты мне называешь его город? О, если бы мне не знать его! «Глаголемый Иуда Искариотский». Для чего же ты называешь его город? Был другой ученик — Иуда, называемый Зилотом (ревнителем). Чтобы от одинаковости имени не произошло какой-нибудь ошибки, евангелист и отличил того от этого; этого назвал по доброму качеству его: «Иуда Зилот», а того не назвал по злому его качеству — не сказал: «Иуда предатель». Хотя следовало бы, как этого назвал он по доброму качеству, так и того назвать по злому качеству и сказать: «Иуда предатель»; но, дабы научить тебя соблюдать язык свой чистым от осуждения, он щадит и самого предателя. "Шед, — говорит, — един от обоюнадесяте, глаголемый Иуда Искариотский ко архиерею, рече: что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» О, нечестивые эти слова! Как они исторглись из уст, как подвигся язык? Как не оцепенело все тело? Как не омрачился ум?

3. «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» Этому ли, скажи мне, научил тебя Христос? Не поэтому ли говорил Он: «не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших» (Мф. 10:9), заранее сдерживая твою склонность к сребролюбию? Не к этому ли убеждал Он постоянно, и вместе с тем говорил: «аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую» (Мф. 5:39)? «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» О, безумие! За что? скажи мне. В чем малом или великом имея обвинить (Его), ты предаешь Учителя? За то, что Он тебе дал власть над демонами? За то, что дал силу исцелять болезни, очищать прокаженных? За то, что дал силу воскрешать мертвых, что поставил господином над властью смерти? За эти благодеяния даешь ты такую оплату? «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» О, безумие, или лучше, сребролюбие! Оно породило все это зло; им увлеченный, он предал Учителя. Таков этот злой корень; он хуже беса приводит в неистовство души, которыми овладевает, производит в них забвение о всем — и о себе, и о ближних, и о законах природы, лишает самого смысла и делает безумными. Смотри, сколько вещей он изгладил из души Иуды: сообщество [с Иисусом Христом], приязнь, общение в трапезе, чудеса, учение, увещание, наставление; все это тогда сребролюбие

ввергло в забвение. Поэтому справедливо Павел говорил: «корень всем злым сребролюбие есть» (1Тим. 6:10). «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» Велико безумие этих слов. Неужели, скажи мне, можешь предать Того, Кто держит все, владычествует над бесами, повелевает морем, есть Владыка всей природы? И дабы укротить его безумие и показать, что, если бы Сам Он не хотел, то не был бы предан, послушай, что делает [Господь]. В самое время предательства, когда вышли на него «с дреколми, со светилами и свещами», Он говорит им: «кого ищите» (Иоан. 18:3, 4)? Они не знали Того, Кого намеревались взять. Так далек был Иуда от возможности предать Его, что даже не видел присутствия Того, Кого намеревался предать, тогда как были светильники и столько света. На это дал указание и евангелист, сказав: они имели «светилы и свечи», и не видели Его.

Каждый день Господь напоминал ему и делами и словами, внушая, что предатель не скроется [от Него]; не явно обличал его пред всеми, чтобы он не сделался более бесстыдным, и не молчал, чтобы он, думая, что скрыт, не приступил к предательству без страха, но часто говорил: «един от вас предаст Мя» (Иоан. 13:21), — впрочем не делал его известным. Много говорил Он и о геенне, много и о царстве, и в том и другом показывал Свою силу, и в наказании грешников и в награждении добродетельных. Но все это Иуда отверг, а Бог не влек его силою. Так как Бог создал нас господами в выборе и худых и добрых дел, и желал, чтобы мы были добрыми по своей воле, Он не принуждает и не заставляет, если мы не хотим, потому что быть добрым по принуждению не значит быть добрым. Поэтому, так как и (Иуда) был господином своих помыслов и в его власти было не повиноваться им и не склоняться к сребролюбию, то он очевидно сам ослепил свой ум и отказался от собственного спасения: "что ми, — говорит, — хотите дати, и аз вам предам Его?» Обличая слепоту ума его и безумие его, евангелист говорит, что во время прибытия их стоял близ них Иуда, сказавший: «что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» И не из этого только можно видеть силу Христову, но и из того, что по произнесении Им простого слова они отступили и пали на землю. Но так как они и после этого не оставили бесстыдства, то Он, наконец, предает Себя, как бы так говоря: Я сделал все с Своей стороны, явил силу Свою, показал, что вы предпринимаете невозможное дело; Я хотел обуздать злобу вашу; но так как вы не захотели этого, а остались при своем безумии, то, вот, Я предаю Себя. Это сказано мною для того, чтобы кто-нибудь не стал осуждать Христа, говоря: почему Он не изменил Иуду? Почему не сделал его благоразумным и добрым? Как следовало сделать его добрым? По принуждению, или по воле? Если — по принуждению, то таким образом он не мог сделаться лучшим, потому что никто не может быть добрым по принуждению; если же — по воле и свободному решению, то Он [Христос] употребил все меры, которые могли испытывать волю и намерение. А если тот не хотел принять врачевство, то это вина не врача, а отвергнувшего врачевание. Посмотри, сколько сделал Христос, чтобы склонить его на свою сторону и спасти его: научил его всякому любомудрию и делами и словами, поставил его выше бесов, сделал способным совершать многие чудеса, устрашал угрозою геенны, вразумлял обетованием царства, постоянно обличал тайные его помышления, но обличая не выставлял на вид всем, омыл ноги его вместе с прочими [учениками], сделал участником Своей вечери и трапезы, не опустил ничего — ни малого, ни великого; но он добровольно остался неисправимым. А чтобы тебе убедиться, что он, имея возможность измениться, не хотел, и все произошло от его беспечности, послушай. Предав Христа, он бросил тридцать сребренников и сказал: «согреших, предав кровь неповинную» (Мф. 27:4). Что это? Когда ты видел Его совершающим чудеса, то не говорил: «согреших предав кровь неповинную», но: «что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» А когда зло преуспело и предательство достигло исполнения, и грех совершен, тогда ты сознал этот грех? Чему же мы научаемся отсюда?

Тому, что, когда мы предаемся беспечности, то и увещание не приносит нам пользы; а когда бываем внимательны, то и сами собою можем восстать. Так и он: когда Учитель увещевал его, — не слушал; а когда никто не увещевал, то собственная совесть его пробудилась, и без всякого учителя он переменялся, осудил то, на что дерзнул, и бросил тридцать сребренников. «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его? Они же, — говорит евангелист, — поставиша ему тридцать сребренник» (Мф. 26:15); предложили цену за кровь, не имеющую цены. Для чего ты, Иуда, принимаешь тридцать сребренников? Христос пришел даром пролить эту кровь за вселенную; а ты о ней делаешь бесстыдные договоры и условия. И в самом деле, что может быть бесстыднее такого договора?

4. «Тогда приступиша ученицы» (Мф. 26:17). Тогда; когда? Когда то произошло, когда предательство совершилось, когда Иуда погубил себя, тогда «приступиша ученицы ко Иисусу, глаголюще Ему: где хочещи уготоваем ти ясти пасху?» Видишь ли ученика? Видишь ли [прочих] учеников? Тот предаёт Владыку, а эти заботятся о пасхе; тот заключает условия, а эти предлагают услугу. Тот и эти пользовались одинаковыми чудесами, одинаковыми наставлениями, одинаковою властью; откуда же такая перемена? От воли; она всегда бывает причиною всех благ и зол. «Где хочещи уготоваем ти ясти пасху?» Это было в нынешний вечер; Владыка не имел дома, и поэтому они говорят Ему: «где хочещи уготоваем ти ясти пасху?» Мы не имеем определенного пристанища, не имеем ни шатра, ни дома. Пусть узнают живущие в великолепных домах, в широких портиках, в пространных оградах, что Христос не имел, где приклонить главу. Вот [ученики] и спрашивают: «где хочещи уготоваем ти ясти пасху?» Какую пасху? Не эту — нашу, а пока иудейскую; ту именно приготовили ученики, а эту нашу — Он Сам приготовил, и не только Сам приготовил ее, но и Сам же Он стал пасхою. «Где хочещи уготоваем ти ясти пасху?» Это была иудейская пасха, та, которая получила начало в Египте. Для чего же Христос вкушал ее? Для того, чтобы исполнить все, требуемое законом. Он когда и крестился, говорил: «так бо подобает нам исполнити всякую правду» (Мф. 3:15); Я пришел искупить человека от клятвы закона; ибо «посла Бог сына Своего, рождаемаго от жены, бываема под законом, да подзаконныя искупит», и прекратит самый закон (Гал. 4:4, 5). Дабы кто-нибудь не сказал, что Он потому уничтожил закон, что не мог исполнить его, как тяжкий, трудный и неудобноисполнимый, — Он сначала исполнил его весь, а потом и отменил. Потому Он совершил и пасху, что пасха была предписана законом. А для чего закон предписал вкушать пасху? Иудеи были неблагодарны к своему Благодетелю и тотчас после благодеяний забывали о повелении Божиим. Так, когда они вышли из Египта, то даже видев море, разделившееся и опять соединившееся, и другие бесчисленные чудеса, говорили: «сотворим себе боги, иже пойдут пред нами» (Исх. 32:1). Что говоришь ты? Чудеса еще пред тобою, а ты уже забыл о Благодетеле? И вот, так как они были столь бесчувственны и неблагодарны, то с учреждением праздников Бог связал воспоминание о дарах Его; поэтому Он повелел закалать и пасху, дабы, когда спросит тебя, говорит Он, сын твой: что означает эта пасха? — ты говорил, что наши предки в Египте помазали некогда двери кровью овцы, чтобы губитель, пришедши и увидев, не дерзнул входить и не наносил удара (Исх. 12:27–28). Таким образом потом этот праздник стал постоянным напоминанием о спасении. И не только ту пользу получали они, что он напоминал им о древних благодеяниях, но и другую, большую, от того, что он прообразовал будущее. Тот агнец был образом другого Агнца — духовного, овца — Овцы; то была тень, а это — истина. Когда же явилось Солнце правды, тогда тень наконец исчезла, так как при восходе солнца тень скрывается. Поэтому на самой этой трапезе совершается та и другая пасха, — и прообразовательная, и истинная. Как живописцы на одной и той же доске проводят черты и изображают тень и потом накладывают на нее истинные краски, так поступил и Христос:

на одной и той же трапезе Он и преднаписал прообразовательную пасху, и присоединил истинную. «Где хочешь угодоваем ти ясти пасху?» Тогда была пасха иудейская; но когда взошло солнце, то светильник пусть уже не является; когда наступила истина, то тень пусть уже исчезнет.

5. Говорю это к иудеям, так как они мнят, что совершают пасху, и, необрезанные сердцами, с бесстыдным намерением предлагают опресноки. Как, скажи мне, иудей, ты совершаешь пасху? Храм разрушен, жертвенник уничтожен, святое святых попроано, всякого рода жертвы прекращены; для чего же ты дерзаешь совершать эти незаконные дела? Ты отошел некогда в Вавилон, и там говорили пленившие тебя: «воспойте нам от песней сионских» (Пс. 136:3); но ты не согласился. Это выразил Давид, сказав «на реках вавилонских, тамо седохом и плакахом: на вербиих посреде его обесихом органы наша» (Пс. 136:1–2), т. е. псалтирь, цитру, лиру и прочее, так как их употребляли они в древности и посредством их пели псалмы. Отправившись в плен, они взяли их с собою, чтобы иметь напоминание о жизни в отечестве, а не для того, чтобы употреблять их. "Тамо, — говорит, — воспросиша нас пленшии нас о словесех песней»; а мы сказали: «како воспоем песнь Господню на земле чуждей» (Пс. 136:3–4)? Что говоришь ты? Песнь Господню ты не поешь на земле чужой, а пасху Господню совершаешь на земле чужой? Видишь ли неблагодарность? Видишь ли незаконие? Когда враги принуждали их, то они не смели даже сказать псалма на земле чужой; а теперь сами от себя, в то время, как никто не принуждает и не заставляет их, воздвигают войну против Бога. Видишь ли, как нечисты опресноки, как незаконен их праздник, как уже не существует пасха иудейская? Была некогда пасха иудейская, но теперь отменена, и наступила пасха духовная, которую преподал тогда Христос. Когда они [ученики] ели и пили, то Он, говорится [в Евангелии], «прием хлеб, преломи и рече: сие есть тело Мое, за вы ломимое во оставление грехов» (Мф. 26:26–27). Посвященные в тайны разумеют сказанное. Также и взяв чашу, сказал: «сия есть кровь Моя, яже за многия изливаема, во оставление грехов» (Мф. 26:28). И Иуда присутствовал, когда Христос говорил это. «Сие есть тело», которое ты, Иуда, продал за тридцать сребренников; «сия есть кровь», о которой ты недавно заключил бесстыдные условия с неблагодарными фарисеями. О, человеколюбие Христово! О, безумие, о, неистовство Иуды! Этот продал Его за тридцать динариев, а Христос и после того не отказался бы самую проданную кровь Свою отдать продавшему «во оставление грехов», если бы этот захотел. Ведь и Иуда присутствовал и участвовал в священной трапезе. Когда ноги его вместе с прочими учениками умыл Христос, так и в священной трапезе он участвовал, для того, чтобы он не имел никакого предлога к оправданию, если останется при своем нечестии. Христос сказал и употребил все с Своей стороны, а он упорно остался при своем нечестивом намерении.

6. Впрочем, уже время приступить к этой страшной трапезе. Приступим же все с надлежащею скромностью и вниманием; и никто пусть не будет Иудою, никто пусть не будет злым, никто пусть не скрывает в себе яда, нося одно на устах, а другое в уме. Предстоит Христос и теперь; Кто учредил ту трапезу, Тот же теперь устрояет и эту. Не человек претворяет предложенное в тело и кровь Христову, но Сам распятый за нас Христос. Представляя Его образ, стоит священник, произносящий те слова; а действует сила и благодать Божия. «Сие есть тело Мое», сказал Он. Эти слова претворяют предложенное, и как то изречение: «раститеся и множитесь и наполните землю» (Быт. 1:28), хотя произнесено однажды, но в действительности во все время дает нашей природе силу к деторождению; так и это изречение, произнесенное однажды, с того времени донныне и до Его пришествия делает жертву совершенною на каждой трапезе в церквах. Итак, никто пусть не приступает коварным, никто — исполненным злобы, никто — имеющим яд в мыслях, чтобы не причащаться «во осуждение». И вот, после принятия

предложенного, в Иуду вошел дьявол, презрев не тело Господне, но презрев Иуду за его бесстыдство, дабы ты знал, что на тех, которые недостойно причащаются божественных тайн, особенно нападает и постоянно входит дьявол, как и тогда в Иуду. Так почести приносят пользу достойным, а недостойно пользующихся ими подвергают большему наказанию. Говорю это не для того, чтобы утратить, но чтобы предостеречь. Пусть же никто не будет Иудою; никто, приступая, пусть не имеет в себе яда злобы. Эта жертва есть духовная пища; и как телесная пища, попадая в желудок, имеющий худые соки, еще больше усиливает немощь, не по своему свойству, но по болезни желудка, так обыкновенно бывает и с духовными таинствами. И они, когда сообщаются душе, исполненной злобы, то больше повреждают и губят ее, не по своему свойству, но по болезни принявшей души. Итак, пусть никто не имеет внутри себя злых помыслов, но очистим ум; мы приступаем к чистой жертве, — сделаем же душу свою святою; а сделать это можно и в один день. Как и каким образом? Если ты имеешь что-нибудь против врага, то оставь гнев, исцели рану, прекрати вражду, чтобы тебе получить пользу от этой трапезы, потому что ты приступаешь к страшной и святой жертве. Постыдись того, что служит основанием самого этого приношения. Предлежит закланный Христос. Почему Он заклан и для чего? Для того, чтобы умиротворить небесное и земное, чтобы сделать тебя другом ангелов, чтобы примирить тебя с Богом всех, чтобы из врага и противника сделать тебя другом. Он отдал душу Свою за ненавидящих Его; а остаешься враждующим против подобного тебе раба? Как же ты можешь приступить к трапезе мира? Он не отказался даже умереть за тебя; а у тебя недостает сил для себя самого оставить гнев на подобного тебе раба? Какого это может удостоиться прощения? Он обидел меня, скажешь, и весьма много отнял у меня. Что же? Ущерб только в деньгах, — он еще не ранил тебя так, как Иуда Христа; однако Христос самую кровь Свою, которая пролита, отдал для спасения проливших ее. Что можешь ты сказать равное этому? Если ты не простил врага, то не ему нанес вред, а самому себе; ему ты часто вредил в настоящей жизни, а себя самого сделал недостойным прощения и безответным в будущий день. Ничего так не отвращается Бог, как человека злопамятного, как сердца надменного и души раздражительной. Послушай же, что говорит Он: «аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянешь» раньше, стоя пред алтарем, «яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирился с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой» (Мф. 5:23, 24). Что говоришь ты: оставлю (дар)? Да, для мира, говорит, с братом твоим и принесена эта жертва. Посему, если эта жертва принесена для мира твоего с братом, а ты не заключаешь мира, то напрасно ты участвуешь в этой жертве, бесполезным для тебя становится это благо. Сделай же наперед то, для чего принесена эта жертва, и тогда прекрасно ею воспользуешься. Для того нисшел Сын Божий, чтобы примирить естество наше с Владыкой; не только Сам для этого пришел Он, но [еще озабочен был тем], чтобы и нас, совершающих это, сделать причастниками имени Его. "Блажени, — говорит Он, — миротворцы, яко тии сынове Божию нарекутся» (Мф. 5:9). Что сделал Единородный Сын Божий, тоже сделай и ты по силам человеческим, ставши виновником мира и для себя самого и для других. Поэтому тебя, миротворца, Он и называет сыном Божиим; поэтому и применительно ко времени жертвы Он не упомянул ни о какой другой заповеди, кроме примирения с братом, выражая, что это важнее всего. Я хотел еще более продолжить речь, но и сказанного довольно для внимательных, если они будут помнить. Будем же, возлюбленные, постоянно помнить эти слова, и святые лобзания, и страшные приветствия, которые делаем друг другу. Это соединяет наши души и производит то, что мы все становимся одним телом, как и причащаемся все одного тела. Соединимся же в одно тело, не тела сочетавая друг с другом, но души связывая между собою союзом любви; таким образом мы можем с

дерзновением вкушать от предлагаемой трапезы. И хотя бы имели бесчисленное множество праведных дел, но, если будем злопамятными, то все будет тщетно и напрасно, и никакого от них мы не сможем получить плода для спасения. Итак, сознавая это, прекратим всякий гнев и, очистив совесть свою, со всем смирением и кротостью приступим к трапезе Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, всякая слава, честь, держава, ныне и присно [и во веки веков]. Аминь.

3. После 6-й песни канона, кондака и икоса

Синаксарь во святой и Великий четверг

Стихи на священное умовение [ног]:

*Бог ввечеру умывает апостолов ноги
Тот, Чья нога
в полдень касалась
райской земли.*

Стихи на Тайную Вечерю:

*Вечеря ныне двойная
с пасхой Закона
Новую Пасху несет –
Тело Владычне и Кровь.*

Стихи на моление о Чаше:

*Страшна молитва сия
в кровавом поту наш Спаситель
Богу молился Отцу,
смерть и врага обманув.*

Стихи на предательство [Иуды]:

*Люди обмана!
К чему вам мечи и дреколья
Против Того, Кто готов
ныне за мир умереть?*

Святые отцы, всё премудро устроившие, преемственно от божественных апостолов и Священных и Божественных Евангелий заповедали нам в святой и Великий Четверг вспоминать четыре (события): 1) Божественное умовение (ног); 2) Тайную Вечерю и установление Святых Таин; 3) необычайную молитву и, наконец, 4) предательство.

Поскольку пасха евреев должна была совершаться в пятницу и подобало, чтобы за прообразом воспоследовала сама истина – иными словами, чтобы и за нас был, как пасха, принесен Христос, – то Господь наш, по утверждению божественных отцов, заранее совершает ее с учениками в вечер четверга. Ведь вечер этот и вся последующая ночь принимаются у евреев за один день, ибо так измеряют они сей промежуток времени, называя его сутками. Поэтому, как говорят некоторые и среди них божественный Златоуст, Он с учениками тогда ее и совершил согласно закону, то есть стоя, препоясавшись, обувшись в сандалии, опираясь на посох и все иное исполнив, что повелевает закон, дабы не показаться законопреступником. А приготовил все это Зеведей: он-то и нес кувшин воды, как утверждает Афанасий Великий, хотя другие на сей счет высказывались иначе.

Затем, уже с наступлением ночи, являя ученикам самое совершенное, преподает им в горнице таинство Пасхи, бывшее ради нас. Когда же настал вечер, — говорит Евангелист — Он возлег с двенадцатью учениками (Мф. 26:20). Заметь, однако, что это не была пасха иудейского закона, ибо здесь и вечеря, и возлежание, и хлеб, и вода, а там все должно было быть испеченным на огне и бесквасным. И перед началом той вечери (поскольку так говорит божественный Златоуст) Христос встает, полагает на землю верхнюю одежду и вливает воду в умывальницу, все исполняя Сам, и Иуду одновременно усовещивая, и другим ученикам напоминая, чтобы не домогались первенства. Также и по умовению увещевает их, говоря: Кто из вас больше, будь как меньший (Лк.22,26), и Себя Самого поставляя в пример. Похоже, что Христос прежде всех омыл Иуду, предерзостно воссевшего на первое место, а в последнюю очередь подходит к Петру. А тот, будучи из всех самым горячим, препятствует Учителю, но тем охотнее повинуетя после. Итак, умыв ноги ученикам и показав необычайное возвышение чрез смирение, снова надев Свою одежду и возлегли, Он наказывает им любить друг друга и к старшинству не стремиться. Когда же те едят, сообщает им вкратце и о предательстве. А когда ученики смутились от Его слов, Иисус тихо молвил одному Иоанну: Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам (Ин.13,26), он и есть предающий Меня. Ибо если бы Петр слышал сказанное, то, как самый горячий из всех, наложил бы руки на Иуду. И еще сказал Господь: Опустивший со Мною руку в блюдо (Мф.26,23), как в обоих случаях и произошло. Затем, немного спустя, взяв хлеб, говорит: Приимите, ядите, и подобным же образом чашу: Пейте из нее все, ибо сия есть Кровь Моя Нового Завета (Мф.26,26-28), Сие творите в Мое воспоминание (Лк.22,19). И Сам, то же делая, с ними вместе ел и пил. Заметь, что Телом Своим называет Он хлеб, а не опреснок, а потому да будут посрамлены совершающие приношение на опресноках. После поданного Иисусом куска вошел в Иуду сатана, который прежде лишь искушал его, а теперь окончательно вселился. И выйдя, Иуда назначил условие первосвященникам, чтобы предать им Господа за тридцать сребренников.

Ученики же после вечери отправились на гору Елеонскую, в некое селение, называемое Гефсимания. И по продолжительном времени говорит им Иисус: Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь. А Петр: Если и все соблазняются, но не я (Мф.26,31, Мк.14,29). А время было позднее, то есть глубокая ночь. Иисус же сказал: Прежде, нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня (Мк.14,30), ибо петух обычно не раз, но дважды и трижды голос подает. Что и произошло, когда Петр объят был безмерным страхом, ибо Бог показал ему немощь человеческого естества. И притом, однако, вселенную ему вручил, дабы он, узнав по себе податливость человеческой природы, был к согрешающим снисходителен. А троекратное отречение Петра изображает грех всех людей пред Богом. Первое [отречение его изображает] заповедь, которую преступил Адам, второе — нарушение писаного закона и третье — [то отпадение, которым вызвано было] воплощение Слова. Этот грех Петра Спаситель уврачевал впоследствии троекратным раскаянием ученика, трижды произнеся: "Петр, любишь ли Меня?" (ср.: Ин.21,15). Далее Господь говорит ученикам, выказывая Свое человеческое естество, ибо всем человекам страшна смерть: Душа Моя скорбит смертельно (Мф.26,38; Мк.14,34). И отойдя от них на бросок камня, помолился в третий со словами: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия (Мф.26,39), и еще: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя (Мф.26,42), говоря это и как человек, и как искусно нападающий на диавола, чтобы тот ввиду сей робости почел бы и Его за обычного человека и таинству крестной смерти не воспрепятствовал. Возвратившись и найдя учеников объатыми сном, обращается к Петру со словами: "Так ли не могли вы один час бодрствовать и бдеть со Мною?" (ср.: Мф.26,40),

как бы подразумевая: "Ты, обещавший подвизаться до смерти, попросту спишь наравне с прочими?"

Перейдя на другой берег ручья Кедрон, где был сад, Христос с учениками расположился там. А поскольку он имел обычай часто туда приходить, то знал это место и Иуда. И вот, взяв некоторое число воинов из когорты и сопровождаемый народом, тот приблизился к Иисусу и подал им условный знак лобзанием. Знак этот он назвал им загодя, ибо часто бывало, что Господь, схваченный врагами, невидимо проходил среди них. А потому и здесь Сам Христос первый выходит к ним со словами: Кого ищете? (Ин.18,4), но те все еще не узнавали Его. Ночь помехи для них не составляла, ведь были, говорит евангелист, и факелы, и светильники зажженные, а между тем они, попадав от страха, отступили. И снова приходят, и Он отвечает им. Когда же Иуда подал условный знак, Христос говорит: Друг, для чего ты пришел? (Мф.26,50), что означало: "Своевременно то, для чего ты пришел, Иуда". И еще сказал: Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня (Мф.26,55). А в ночную пору явились они с тем, чтобы не произошло волнения в народе. Тогда Петр, как самый пылкий, вынув меч, (ибо ученики после вечера были приготовлены к такому обороту дела) ударил раба первосвященника, по имени Малх, и отсек ему правое ухо. (Рассказ об этом намекает, что первосвященник худо слушал закон и худо учил.) Но Христос пристыжает Петра, ибо нехорошо служителю духовного мужа употреблять меч, а Малхово ухо исцеляет. И вот, взявшие Иисуса ведут Его, связанного, на двор к первосвященнику Анне, который доводился тестем Каиафе, ибо там собрались фарисеи и книжники — все, кто были настроены против Христа. Здесь же произошло то, что связано с Петром и служанкой, и само отречение Петрово. А поскольку ночь наполовину миновала, трижды пропел петух, и Петр, вспомнив предостережение Христа, горько заплакал. И когда время подошло к утру, ведут Христа от Анны к первосвященнику Каиафе, где Он и оплевания принял, и куда лжесвидетели были вызваны. На рассвете отсылает Его Каиафа к Пилату. Приведшие Иисуса, говорит евангелист, не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху (Ин.18,28). Отсюда следует, что первосвященники и фарисеи совершили тогда беззаконие, перенеся пасху, о чем говорит и божественный Златоуст, ибо им надлежало вкусить ее той ночью, но ради убиения Христа была она отложена. А что именно тогда подобало ее есть, ясно показывает Христос, Который вкусил пасху до вечера, ночью, и затем научил учеников совершеннейшему. Ведь надлежало, как сказано, чтобы на смену законному прообразованию явилась истина. Ибо Иоанн утверждает, что все это произошло прежде праздника Пасхи — в четверг и в ночь его. Оттого и мы празднуем это сегодня, со страхом совершая воспоминание о дивных и несказанных делах и событиях.

По неизреченному же милосердию Твоему, Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь.